

Иногда у меня бывают такие дни, когда просыпаешься и понимаешь – всё плохо.

Что с того, что ты вчера хорошо поговорила с Никитой? Да ничего! Ему же совсем и разговаривать-то не хотелось, а ты подошла и начала... Эх, ты! Правильно он от тебя бегать будет!

Или Настя. Навязалась ей, любительница Беларуси! Она в этом Гродно и не была даже, а ты взахлёб рассказывала – всю перемену! Про Нёман, костёл и даже музейные экспонаты! Если она в школе сегодня от тебя отсядет, даже не удивляйся, зануда.

– Я первая умываться! – быстро крикнула Мариам, исчезая за дверью.

– Я вторая! – подхватила Настя.

– Я третья! – спохватилась Николь.

Ну конечно, я последняя.

– Вставай, Милисента!

Настя сорвала с меня одеяло. Сразу стало холодно и неуютно.

– Опоздать ты всегда успеешь.

Только я выдавила пасту, как заорал Никита-вожатый:

– Выходим! Все-все-все выходим!

Я наскоро ополоснула щётку, плотно зажала рот и выпрыгнула на улицу.

Ещё и опоздать умудрилась. Пока одевалась, пока куртку в шкафу искала...

У флагштока я нагнала свой отряд и поплелась позади. Кому я нужна такая – да ещё с нечищеными зубами?

У столовой очередь. Кто гладил котов, кто разговаривал – а я отошла к перилам. Море шумело и перекачивалось шариками стали. На берегу, от одного края до другого, валялись алые водоросли. Чем же недовольно сегодняшнее море?

– Эй, ты чего тут стоишь? – подошла Николь.

– Смотрю, – процедила я сквозь зубы – как бы рот не открыть!

Николь ничего не поняла.

– Ладно... – пролепетала она. – Не буду мешать...

Очередь на завтрак зажала меня между Ильёй и Ильнаром. Они переговаривались, а мне хотелось телепортироваться. Лучше сразу к раздаче.

– Прости, для тебя места не осталось, – обвела рукой шестерых человек Валя, когда я подошла за стол к знакомым девочкам.

Я мрачно поставила тарелку между Максудом и Глебом. А я другого и не ждала.

Когда вернулись в домик, я первым делом метнулась на второй этаж – к раковине. Теперь хотя бы разговаривать можно. Вот только не с кем.

Первым уроком – история. Я расползлась по парте и строчила дневник, Настя рисовала в тетради каракули – капля, капля, ещё капля... Потом зачеркнула капли и стала писать названия каких-то стран.

– А сейчас... Чередниченко скажет нам, какие страны входили в Венский конгресс.

– А... – растерялась я. – Австрия, кажется.

– А ещё?

Я глянула на Настину бумажку.

– Англия... Россия.

– Ещё?

– Пруссия! – крикнул с задней парты какой-то отличник.

Я села. Пронесло. На перемене скажу Насте «спасибо».

Но со звонком её перехватила Кузя:

– Слуша-а-ай! У меня новый парень! Тако-о-ой милый!

Пошли-пошли, покажу!

С ума сойти, ещё один? Вечно эта Кузя со своими парнями!

Остальные уроки прошли в тягостной полудремоте. Я ненавидела эту школу – и она проскальзывала сквозь мысли, почти не оставляя следов.

Тучи за пять часов немного разбежались, и стальное море играло солнечными бликами. После обеда нас разогнали по комнатам.

– А давайте Николь разыграем? – сверкнули у Насти глаза. – Дезодорант пастой намажем!

– Я бы не советовала, – буркнула я из своего угла.

– Да ты только представь! – подхватила идею Мариам.

Ну, я и представила. Сначала злую Николь, потом себя на её месте, и мне стало мерзко.

– А если бы вам намазали? – гневно спросила я.

– Я бы посмеялась! – с готовностью ответила Мариам.

– А я бы нет.

– Зануда ты, – отмахнулась от меня Настя и полезла в шкаф Николь.

Останавливать её не хотелось. Так они меня и послушают, ага. Нужны им здравые мнения.

После полдника нас, не предупредив, погнали на спортивную площадку.

– Сейчас заставят бе-е-егать и пры-ы-ыгать! – зловеще провыла у меня над ухом Мариам.

Я от неё только отмахнулась. И так тошно.

Но на месте оказалось, что всё не так уж плохо. На спорт-час не допускали людей в джинсах и юбках, и радостная толпа девчонок поскакала в домик.

А я побрела через платановую рощу – мне не хотелось нестись вместе с толпой под светящимся куполом из листьев. Как можно этого не видеть?..

– Что вы делаете? – изумлённо спросила я.

Валя шла в Ленину комнату, взвалив на спину шкафчик.

– Переезжаем, – объяснила она. – А нанять грузчика денег не хватило.

– Куда переезжаете? – обалдела я.

– Да к Лене же! Она ведь совсем одна в комнате живёт!

И как я могла забыть? Грущу тут, а Лене ведь тоже плохо...

– Это что? – подскочила ко мне Николь, когда я зашла к себе. В руках у неё – дезодорант, густо намазанный зубной пастой.

– А, Николь! – крикнула Настя, запрыгивая в комнату.

Лучше бы она этого не делала.

– Это ты! – взвыла Николь. – Ты-ы-ы... Вы думаете, если я самая маленькая, меня и разыгрывать можно?

– Да ничего мы не ду...

– Конечно! Как смеяться – так над Николь! Николь храпит, Николь дылда, Николь можно пастой намазывать всё подряд! И злиться ни за что – тоже можно!

– Я не...

– Я ненавижу вас! Уходите отсюда! Давайте! Не хотите меня знать – и не надо!

Мы вылетели из комнаты.

– Да ну её, – махнула Мариам, когда дверь гневно захлопнулась. – Пошлите лучше, за едой для новоселья ходим! Милисента?

– Ладно, – согласилась я.

А ведь Николь совершенно точно подметила моё состояние... Что же она чувствует сейчас? Море для неё теперь тоже серое, а вокруг только гулкая тишина... А Лена? Лене, наверное, страшно говорить. Она тоже боится, что окажется никому не нужной... Может, для неё каждое утро тоскливое?

– Смотри, какой закат! – ткнула меня в плечо Мариам.

Ярко-алые облака сияли на чистом солнечно-синем небе, а море сверкало всеми оттенками рыжего.

– Красиво... – проговорила я. И тут вспыхнула мысль – а Никита? Он ведь на футболе, и этого не видит!

Я представила Никиту-высокого, который расстраивается из-за того, что опять не успел сфотографировать закат, и мне стало жаль и его.

– Две пачки сырных шариков, – сказала в ларёк Мариам. И повернулась ко мне: – А ты будешь что-нибудь покупать?

Я отрешённо протянула Мариам пятидесятку.

– Луковые кольца ещё возьми.

В домике мы кинули покупки на кровати новосёлов.

– А я тут песню разучиваю, – сообщила Валя. – Хотите послушать?

Я не знала, как показаться на глаза Николь и согласилась.

Знакомую песню запела Валя! Я знала «Журавлей» почти наизусть и всё сдерживалась, сдерживалась... А потом тихонько запела вместе с ней.

Она резко остановилась.

– Что? – спросила я с недоумением.

– Ты должна петь со мной! На концерте! – восторженно заявила Валя.

– Какой концерт?! – возмутилась я.

Но меня уже тащили вверх по лестнице – в гостиную лагеря...

– ...Я же тебе сказала, что ничего у нас не получится! – горячо доказывала я, когда мы уже шли обратно в домик. – У нас оба раза та нота фальшиво звучала!

– Всё равно, было бы гораздо лучше, если бы ты пела со мной, – расстраивалась Валя. – Я бояться буду.

– Ничего. Я буду с тобой мысленно, – завершила я её. Мне было приятно.

Мальчишки вернулись с поля. Закат уже прошёл – Никита опять пропустил самый его пик. Но слабый огонь солнца ещё полыхал на небе, и это было красиво.

– Такой закат тебя не устроит? – спросила я Никиту-высокого, заглянув к нему в комнату.

– Так он неправильный! – со знанием дела пояснил мне Никита. – Там облака, а я хочу увидеть, как солнце погружается в море...

Романтик...

– Как хочешь.

Я уже закрывала дверь, когда Никита окликнул меня.

– погоди! Шоколадку будешь?

– Конечно! – бесстыже обрадовалась я. Никита долго рылся в шкафу и, наконец, извлёк плитку шоколада и отломал две массивные дольки.

– Шоколад с карамелью! – объявил он.

Я откусила маленький кусочек, и сразу какое-то янтарно-прозрачное тепло появилось во рту. Как я могла утром твердить, что всё плохо? Мир вокруг отливало солнечными брызгами...

– Спасибо... – с огромным чувством благодарности сказала я. Конечно, за такой шоколад мало какого-то «спасибо», но не придумали ещё таких слов, чтобы просто благодарить от души...

А потом мы пошли на концерт. Уже темнело, и я не нашла Николь в толпе. Только бы у неё всё было в порядке...

– Удачи, – шепнула я Вале, когда мы были уже в зале.

Она чуть заметно мне кивнула и исчезла за кулисой.

Я представила, что тоже стою там, за сценой, и скоро нужно выходить и петь... Я же обещала – мысленно быть с Валей.

И вот – она вышла. На рыжих волосах поблёскивал синий обруч, а её голос зазвучал непривычно низко. В двух местах Валя запнулась, но пела так, что пробирало до мурашек.

– Хорошо? – взглядом спросила Валя, возвращаясь на место.

Я кивнула. Валя улыбнулась мне в ответ. Теперь ей тоже было хорошо...

... На небе – жёлтая луна и много-много звёзд.

– У вас есть пояс Ориона? – спросила я Никиту.

– А как же! – усмехнулся он. – Вон те три звезды, да? Ещё у нас есть Кассиопея...

– И у нас видно! Полярная звезда?

– Естественно! Сириус?

– Да... Так мы, оказывается, живём под одинаковым небом?

– Выходит, что так...

Как хорошо жить под одним небом с такими людьми...

Новосёлы закатали пирушку, честно поделив наши с Мариам покупки. Каждому выдали сложенный листок бумаги, наполненный едой.

– За то, чтобы Лена больше не была одинокой! – Мариам провозгласила тост и хлебнула лимонада.

«А это уже как она пожелает, – подумала я. – Может, она уже привыкла быть одинокой... А может, ей даже нравится это!»

Мне такая мысль была чужда, и я решила, что Лена сама выберет, как ей лучше.

А пока она вместе со всеми хрустела кольцами.

А Николь? Она же так и лежит в комнате одна-одинёшенька!

Отнесу-ка ей порцию. Пусть тоже порадует.

– Я не хочу, – Николь повернулась к стенке. Я пожала плечами и вернулась обратно.

– Ах, не хочет? – возмутилась Настя. – Не хочет!

Она с треском отворила дверь комнаты.

– Ну, чего вам надо?! – закричала Николь.

– Так, Николь. Смотри, – сурово сказала Настя.

Она извлекла из шкафа свой дезодорант и пасту. Раз – и у неё на пальце уже зелёная густая капля. Два – и она уже размазывает её по дезодоранту.

– Во! – протянула она тщательно проделанную работу.

– Ну и зачем? – равнодушно спросила Николь.

– Да чтобы ты больше не грустила, глупая!

Николь взяла Настин дезодорант и долго рассматривала его. А потом улыбнулась:

– Только ты не считай, что это я замстила, ладно?

– Договорились!

– И вообще, – заметила я, – тебе стоит поторопиться, чтобы никто не разобрал твою долю!..

... За окном тихонько шумело море. Я записывала события дня в дневник и удивлялась себе – и как я утром придумала такую чепуху?

ФИРКА И ВОЛШЕБНАЯ МАННАЯ КАША

Жила-была ведьмочка. Нос торчком, волосы пучком, глаза с огоньком. Носила она колпак дугой, башмаки с дырой, платье до пят – вот и весь наряд. Вся в сером, как грозовая туча. А звали её Фирка.

Но это только с виду ведьмочка была такая ужасная. Внутри у неё скрывалась воздушная, сладкая, бело-розовая, словно сахарная вата, душа. Просто душу так просто не разглядишь, её по поступкам обычно видно. А поступки-то у Фирки хромали.

Встанет она с утра: зубы не почистит, волосы не расчесет, поплюёт на ладошки – умылась немножко.

Теперь бы позавтракать, а нечего! В кастрюле пусто, в чугуне пусто, да и в погребе не густо – одна гнилая капуста. Сунет Фирка нос в печку, чихнёт пару раз – и из дома вон, на солнышко. Греется, будто кошка, на лавочке, с воронами болтает о том о сём, диким яблочком перекусит – так до вечера время и проходит.

Долго бы это продолжалось и ещё дольше, да завелась в доме Чумазка. Выбрала угол потемнее, погрязнее и поселилась там самовольно – и довольна. Сама чёрная-пречёрная, только глаза жёлтым горят, словно два огонька. Поначалу Фирка её не замечала, а потом обнаружила на полу странные следы – так и познакомились. Места в доме полно, отчего бы не потесниться?

Вот только Чумазке одного яблока в день маловато. Как оголодала, быстро за дело принялась: сперва умяла один за другим все стулья, потом стол, после – котёл, ложки и вилки ушли за присест и над кроватью пыльный навес, солонка, маслénка, печная заслонка, лавка с забытой на ней безрукавкой, книжная полка пошла на добавку... А за буфет Чумазка схватилась – даже не подавилась!..

Что Фирке стол и буфет, она третий день в одном башмаке ходит – другой-то Чумазка проглотила. Совсем Фирка обленилась.